

III. Постсоветское пространство

Доннака О Бахойн / Абель Полесе

«Rocking the Vote»: Новые формы организации молодежи в посткоммунистическом пространстве¹

Введение

В последние годы распространение цветных революций трансформировало геополитические надстройки постсоциалистического мира. Начиная с 1998 года с акции «Rock The Vote» в Словакии (хотя некоторые утверждают, что подобная стратегия уже была использована ранее в Сербии, Румынии и Болгарии в 1996/1997)², молодые люди были все более и более задействованы в политике как в качестве избирателей, так и в качестве политических деятелей из лагеря сопротивления недемократическим политическим элитам. Начиная с 2000 года, с «Бульдозерной революции» в Сербии, международное внимание в большей степени было сосредоточено на молодежных движениях как на предвестниках политических и социальных изменений. Как следствие, молодежные движения, в особенности те, которые пытались (законно или нет) себя позиционировать как «студенческие движения», стали предметом многочисленных дискуссий, также как и их роль во внутренней и внешней политике.

Следуя модели Отпора («Сопротивление»), ведущего сербского движения, которое байкотировало Милошевича, появился ряд организаций, которые использовали подобные стратегии и философию, и часто пользовались значительной международной поддержкой. Грузинская Кмара («Достаточно») и украинская ПОРА являются самыми известными организациями, созданными по модели Отпора и также обученные активистами Отпора. Другие движения, как Зубр в Беларуси или Йох («Нет») в Азербайджане, начали свою работу в тот же период, а некоторые из них остались активными и после сомнительных политических выборов, которые и побудили к их формированию. Действительно, в период между 1998 и

¹ Более ранняя версия этой статьи была опубликована на английском языке как: Ó Beacháin D., Polese, A. 'Rocking the Vote': New Forms of Youth Organization in Post-Communist Spaces // *Journal of Youth Studies*. 2010. Vol. 10(2). P. 1-16. Дальнейшие исследования для этой статьи были реализованы благодаря гранту Marie Curie IRSES (№ 295232) и гранту ERMOS (№ 081).

² Bunce V., Wolchik S. Youth and Electoral Revolutions in Slovakia, Serbia, and Georgia // *SAIS Review*. 2006. Vol. 26(2). P. 55-65; Bunce V., Wolchik S. Transnational Networks, Diffusion Dynamics, and the Electoral Revolutions in the Postcommunist World // *Physica A*. 2007. Vol. 378(1). P. 92-99.

2006 состоялись попытки цветных или избирательных революций³ в большинстве недемократических стран бывшего Коммунистического блока⁴, и роль молодежных организаций была характерной особенностью этих попыток. Регулярность, с которой эти молодежные движения появлялись, в сочетании с их непропорциональным влиянием, предполагает рождение значительного транснационального явления во всем посткоммунистическом пространстве.

Учитывая их стремительный взлет и внезапное распространение по всему огромному постсоциалистическому пространству, а возможно и за его пределами (например, в таких странах, как Непал в 2006 году, в 2007 году Мьянма и Иран в 2009 году), эти молодежные движения часто воспринимались как инструменты Запада, с помощью которых он вмешивался во внутреннюю политику через весьма невинный фрагмент общества. Действительно, сами активисты высказывались о следующем: «мы использовали студентов, потому что люди воспринимают их в позитивном и ясном виде и потому что мы хотели избежать обвинений в терроризме»⁵. Также утверждают, что Запад стремился использовать эти движения, чтобы влиять на политику, передавая значительные финансовые средства якобы для содействия демократизации. Стоит отметить, однако, что молодежные движения не только появились в странах, переживших «успешные» цветные революции, но и в тех, где попытки революции не увенчались успехом (см. таблицу ниже).

Таблица 1: Молодёжные движения в странах бывшего СССР

	Главная НПО	Год основания	Результаты	Политическая принадлежность
Азербайджан	Йох, Маграм	2005	Провал	Антиправительственная
Белоруссия	Зубр	2001	Провал	Антиправительственная
Грузия	Кмара	2003	Смена режима	Антиправительственная
Казахстан	Жас-Отан	2008	Поддержка правительства	Проправительственная
Кыргызстан	Кель-Кель	2005	Смена режима	Антиправительственная
Россия	Наши	2005	Поддержка правительства	Проправительственная

³ Термин «цветные революции» связан с тем, что оппозиционные движения и простые люди принимали тот или иной цвет, чтобы символизировать их антиправительственные взгляды и акции. Некоторые ученые, как Банс и Волчик (2006, 2007), предпочитают выражение «избирательные революции», так как именно выборы подтолкнули к акциям протеста.

⁴ Isaacs R., Kazakhstan. In *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures* / Ed. D. Ó Beacháin, A. Polese. L., 2010. Polese A. Russia, the US and 101 Things to do to Win a Colour Revolution // *Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2011. Vol. 19(1-2). P. 421-451

⁵ Каськів В. Аналіз прикладу громадянської кампанії ПОРА та Помаранчевої революції в Україні // www.pora.org.ua. 2005. (веб-страница более недоступна, последнее обращение 26 июня 2007 г.).

Сербия	Отпор	1998	Смена режима	Антиправительственная
Словакия	ОК'98	1998	Смена режима	Нейтральная
Украина	ПОРА	2004	Смена режима	Антиправительственная
Узбекистан	Камалот	1990-е	Поддержка правительства	Проправительственная

Интересная эволюция состояла в том, что некоторые из молодежных организаций не всегда имели поддержку или были координированы политической оппозицией. Например, в последнее время мы стали свидетелями создания проправительственных молодежных общественных организаций, таких как «Наши» и «Дети Путина в России»⁶. Как справедливо отметил Эрик МакГлинчи: «так же, как реформисты видят в молодежи энергичного и символически мощного союзника в борьбе против умирающей диктатуры, тоже самое происходит и у диктаторов, которые видят в молодежи возможность оживить тупиковый авторитаризм»⁷. Таким образом, постсоветские молодежные движения появились в самых разных условиях и местах. Можно найти не только молодежные движения, которые делали вызов правительственным силам, но можно увидеть и то, как их методы были использованы против новых политических элит, например, в случае с Грузией в 2007-09, где молодежные движения выступили против оппозиции, поддерживая сторону правительства⁸. Это может означать, что, независимо от того, почему они были созданы – для «борьбы за демократию» или для поддержки режима – молодежные движения способствовали участию населения во внутренней политике страны.

При наблюдении за распространением таких движений в бывших социалистических странах возникает вопрос: каким образом молодежные движения сумели появиться так быстро и сразу же заявить о себе в качестве ведущей силы в политике? В этой статье мы намереваемся исследовать эволюцию таких тенденций через ряд тематических исследований, чтобы предположить, что преобразование социального капитала – то, что Фукуяма описывает как основу развития гражданского общества – выходит за рамки своего политического значения и свидетельствует о более широком социальном явлении. При их организации в формальные движения, молодые люди постсоциалистических стран продемонстри-

⁶ Ambrosio T. *Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union*. L., 2008. Ashgate. Finkel E. *The View From the East: Russian Political Responses to Orange Revolution*. Статья, представленная на 12-ой Ежегодной всемирной конвенции Ассоциации изучения наций (ASN), Нью-Йорк, 10-12 Апреля 2007 г.

⁷ McGlinchey E. *Searching for Kamalot: Political Patronage and Youth Politics in Uzbekistan* // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61(7). P. 1137-1150. P. 1139.

⁸ Протесты против администрации президента Саакашвили в ноябре 2007 г. вызвали чрезвычайное положение и насильственный разгон демонстрантов, а также закрытие телевизионной станции Имени, которая унаследовала роль Рустави-2 в качестве основного канала для вещания оппозиционных настроений. Протесты также совпали и далее продолжились вместе с досрочными президентскими и парламентскими выборами в январе и мае 2008 года.

ровали тенденцию порождения гражданской культуры, основанной на политических интересах, гражданских действиях и желании участвовать в политической жизни.

В этом отношении статья предполагает, что появление молодежных движений является ответом на радикальный сдвиг в бывших социалистических странах. Опираясь на гипотезу Тэрроу о том, что спорная политика была инициирована изменениями в политических перспективах⁹, мы задались целью узнать, какие изменения произошли в политических перспективах и почему это было настолько влиятельным в этих странах. Исследуя эволюцию молодежных движений в рамках условий цветных революций, мы также намерены частично истолковать связи, которые соединяют эти движения, почему этот вид активности принял транснациональную форму, и то, каким образом стратегия ненасильственного или мирного протеста переместилась в пространстве для создания широко распространенного явления, которое затронуло ряд стран на социальном и политическом уровнях.

Наконец, благодаря изучению этих вопросов мы хотим оспорить распространенную критику, что эти молодежные движения были созданы в кратчайшие сроки для поддержки политической оппозиции. В этом отношении мы предположим, что ряд ассоциативных движений существовал даже тогда, когда эти движения не были еще официально зарегистрированы, непосредственно до цветных революций, и что именно цветные революции привели к формализации этих групп и сделали их достоянием широкой международной аудитории. Это правда, что внешняя финансовая поддержка и ноу-хау помогли активистам систематизировать знания, сосредоточиться на важных моментах, сформировать цели и лучше управлять человеческими ресурсами, но это стало возможным потому, что они могли опереться на уже существующие идеи и структуры.

Эта статья основана на материале, собранном в нескольких направлениях. Оба автора провели длительное время в бывшем СССР и, в частности, в Грузии и Украине, где они работали с финансируемым Соросом Проектом Гражданского Образования и в местных университетах, что позволило им получить представление о том, какими путями было обеспечено западное финансирование. Один из авторов (Полесе) с 1998 года работал в сфере укрепления потенциала неправительственных организаций стран Восточной Европы и за это время у него была возможность встретиться с многочисленными лидерами молодежи. Эти встречи были дополнены формальными интервью с лидерами протестных движений и активистами, а также неформальными беседами как с представителями общественности, так и с представителями гражданского общества во время и после цветных революций.

Следующий раздел будет говорить о цели этой статьи в рамках дискуссии о гражданском обществе и социальном капитале в бывшем социалистическом ми-

⁹ Tarrow S. *Power in Movement*. Cambridge, 1998; idem. *The New Transnational Activism*. Cambridge, 2005.

ре. Затем мы рассмотрим тему политических перспектив, а в последующих разделах мы представим тематические исследования с объяснением отношений между политическими событиями и появлением молодежных движений.

Почему гражданское общество является «слабым» в постсоциалистическом пространстве?

До распространения цветных революций огромное количество литературы указывало на «слабость» или, в лучшем случае, на «бездействие» гражданского общества в бывших социалистических странах¹⁰. На наш взгляд, замеченный низкий уровень активности был связан с многогранным характером самого гражданского общества, в частности, с отсутствием единой формулировки, а также трудностью измерения эффектов, оказываемых гражданским обществом. В рамках гражданского общества данная статья фокусируется на молодежных движениях, которым может быть дано определение как «организованные и сознательные попытки со стороны молодых людей, с целью инициировать или же, наоборот, сопротивляться изменениям в общественном строе»¹¹. Также как в случае с гражданским обществом и тенденцией классификации советских, а затем и постсоветских обществ через двоичные категории, как «активные» и «неактивные», эти трудные для измерения молодежные движения, возможно, ввели в заблуждение некоторых ученых, которые не придавали должного значения этим движениям пока те не стали настолько очевидны, что дальше уже было невозможно их игнорировать.

Учитывая восприятие постсоциалистических обществ как «негражданских», не удивительно, что внезапное пробуждение про-демократических движений и гражданского общества, а также быстрое распространение радикальных и молодежных организаций в чрезвычайно широком и разнообразном географическом контексте было неожиданным и побудило некоторых воспринимать эти движения как организации, которые занимались только пропагандой, надиктованной им западными спонсорами. Непонимание природы социального капитала в бывшем социалистическом пространстве основано на предположении, что социальный капитал тесно связан и является необходимым условием для развития гражданского общества. Именно это подтолкнуло некоторых ученых минимизировать роль (и эффекты) социальной и гражданской силы во время цветных револю-

¹⁰ Smolar A. *Civil Society After Communism* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol.7(1). P. 24-38. Mandel D. *Labour After Communism*. Montreal, 2004. Black Rose Books. Mishler, W. and Rose, R. *Trust, Distrust and Skepticism: Popular Evaluations of Civil and Political Institutions in Post-Communist Societies* // *Journal of Politics*. 1997. Vol. 59. P. 418-451. Mondak J., Gearing A. *Civic Engagement in a Post-Communist State* // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19. P. 615-637.

¹¹ Braungart R., Braungart M. *Youth Movements in the 1980s: A Global Perspective* // *International Sociology*. 1990. Vol. 5 (June). P. 157-181.

ций¹², а также рассматривать их как менее важный, чем политическая элита, элемент¹³.

То, что низкий уровень социального капитала не может оправдать такую мобилизацию масс, возможно, является слишком строгим и преждевременным суждением. Прежде всего, оно не принимает во внимание различные социологические значения концепции социального капитала, находясь в слишком большой зависимости от его макроконструктивных размеров¹⁴ за счет более микро-структурированного чтения по Бордьё¹⁵. Во-вторых, что еще более важно, оно предполагает, что есть только один способ измерения социального капитала. Слабость гражданского общества в Восточной Европе и явно низкий уровень социального капитала, которые измерялись несколькими авторами¹⁶, могут быть связаны с инструментами и методологией, используемыми для их измерения. Например, некоторые авторы предполагают, что явно низкий уровень организации гражданского общества может быть связан с предпочтением ассоциации в структуры на семейной основе, а не ассоциации западного типа¹⁷.

Опираясь на эту интерпретацию, сталкиваясь с очевидной неразвитостью социального капитала в Восточной Европе, Пихлер и Уоллес¹⁸ предположили, что социальный капитал также может быть неформальным, то есть официально невидимым, но все равно активным. Это может означать, что социальный капитал в Восточной Европе не был столь низким, как это показывают результаты измерений. Неформальные группы в Восточной Европе не всегда официально регистрируются и скептицизм в отношении ассоциаций и добровольный (молодежной) работы «... можно рассматривать как естественную реакцию на годы принудительного участия и мобилизации»¹⁹. Исходя из этого соображения, существует предположение, что социальный капитал не возник в Восточной Европе как *ex novo*, а уже существуя ранее был формализован благодаря представившимся благоприятными политическими условиями. Наблюдая за формированием гражданского общества в Украине, кажется, что неформальные группы были активны задолго до Оранжевой революции, и, хотя ПОРА, основная организация протестно-

¹² Hale H. Democracy of Autocracy on the March? The Colour Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39(3). P. 305-329.

¹³ D'Anieri P. Explaining the Success and Failure of Post-Communist Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39(3). P. 331-350.

¹⁴ Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. January 1995. Vol. 6(1). P. 65-78; idem. The Strange Disappearance of Civic America // *American Prospect*. 1996. Vol. 7(24). <http://www.prospect.org/cs/articles?articleId=4972>. Последнее обращение 11 июня 2010 г.; idem. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, 1993.

¹⁵ Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1-24

¹⁶ Pichler F., Wallace C. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe // *European Sociological Review*. 2007. Vol. 23(4). P. 423-435. Van Oosschot W., Arts W., Gelissen Tilburg J. Social Capital in Europe Measurement and Social and Regional Distribution of a Multifaceted Phenomenon // *Acta Sociologica*. 2006. Vol. 49(2). P. 149-167.

¹⁷ Howard M. M. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge, 2002.

¹⁸ Pichler, Wallace. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe. P. 423-435.

¹⁹ Smolar. *Civil Society After Communism*. P. 33.

го движения, официально начала свою деятельность в марте 2004 года, ее руководители были активны в течение многих лет (некоторые даже начали с уличных протестов в 1990 году) в организациях с другими именами или просто в неофициальных сообществах²⁰. Если признать, что социальный капитал может использоваться, чтобы повысить политическую активность движений, можно предположить, что гражданское общество было активным до цветных революций, но уровень его активности был низким в связи с низким уровнем политических возможностей. Отчасти это видно из некоторых исследований гражданского общества и молодежных движений в рамках цветных революций²¹ и из исследований непосредственно самих цветных революций²². В этой статье мы намерены исследовать эту гипотезу более детально, а также объяснить суть политических возможностей, которые позволили социальному капиталу стать более значимым и содействовали участию гражданского общества, в частности, молодежных движений в политике.

Таким образом ограниченные политические возможности могут считаться причиной, по которой в большинстве случаев организации предпочитали оставаться работать «в тени». При коммунизме, социальные и материальные потребности могли быть удовлетворены с помощью неформальных сетей, которые имели весомое преимущество – малую вероятность государственных репрессий²³. Эти методы оказались своеобразным *modus vivendi* (способом выживания) для многих организаций в странах с недемократическими режимами²⁴. Так как этим организациям не хватало уверенности, чтобы представить себя широкой публике, существовало много сомнений, что такие «молодежные» организации, находящиеся под государственным контролем в коммунистические времена, смогли бы повлиять на общественное мнение или вдохновить людей выйти на улицы²⁵.

Остается объяснить, какие политические возможности возникли и как они помогли гражданскому обществу, в частности, молодежным движениям. Бесспорно, внешние факторы оказали большое влияние, оказывая финансовую поддержку и передачу опыта, но, тем не менее, чтобы привлечь к участию такое количество молодых людей и изменить их отношение и взгляды, необходимо нечто большее. Кроме того, не стоит забывать, что молодежные движения также воз-

²⁰ Polese A. Ukraine 2004: Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2009. Vol. 24(2-3). P. 255-277.

²¹ Demes P., Forbig J. Pora - "It's Time" for Democracy in Ukraine. In Revolution in Orange / Ed. A., Aslund, M. McFaul. Washington, 2005. Carnegie Endowment for International Peace. P. 85-102. Reclaiming Democracy / Ed. P. Demes, J. Forbig. Washington D.C., 2007. Kuzio T. Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions. Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39(3). P. 365-386. Polese. Ukraine 2004: Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions. P. 255-277; idem. Russia, the US and 101 Things to do to Win a Colour Revolution. P. 421-451.

²² Finkel. The View From the East: Russian Political Responses to Orange Revolution.

²³ Smolar. Civil Society After Communism. P. 36.

²⁴ Collin M. The Time of the Rebels. L., 2007.

²⁵ Wallander C. Ukraine's Election: the Role of One International NGO // International Affairs. 2005. Vol. 51(3). P. 92-103.

никли там, где финансовые средства были доступны только частично, а в некоторых случаях, как в Беларуси, так и не смогли осуществить крупномасштабные изменения, несмотря на значительную иностранную финансовую помощь²⁶. Если нехватка ресурсов ограничила политический эффект таких движений, то все равно их заслуга заключается в том, что они потрясли общество и создали поколение людей, которые теперь являются политически активными. Важность этого явления такова, что правительственные силы также поняли потенциал молодежи и стали инвестировать в нее, поощряя создание молодежных организаций, поддерживающих правительство или, например, одного политика (организация «Наши» в России является одним из основных примеров). С другой стороны, большая часть этих сил, оставаясь активными, превратилась в партийно-политическую силу, даже после того как их задача «разжигания» цветной революции была выполнена. Другими словами, модульность (здесь имеется в виду распространение коллективных действий в группах²⁷), которая, в соответствии с Бейссинджером²⁸, относится к цветным революциям, также видна в молодежных движениях и транснационализации молодежной деятельности, с трансграничным и международным сотрудничеством между молодежными неправительственными организациями.

Почему там? Почему сейчас? Новые политические возможности, вызванные цветными революциями

Как изменились политические условия, что появилась возможность распространения молодежных движений? Мы видим, цветные революции как результат взаимодействия пяти факторов: отношение элиты, особенности оппозиции, роль внешних сил, деятельность гражданского общества и отношение местного населения. На наш взгляд, каждый из этих пяти факторов пережил ряд радикальных изменений в годы, предшествовавшие распространению цветных революций и, в разной степени, способствовал изменениям в политических возможностях, которые вызвали спорную политику молодежных движений.

Первый ряд политических возможностей был предоставлен теми режимами, которые ослабили свой репрессивный контроль над оппозицией или над общест-

²⁶ На основе интервью Доннаки О Бахойн со следующими лидерами молодежи: Зубра, все проведенные в Минске, Беларусь: Аляксандр Мазур (4 августа 2009 г.), Аляксандр Атрощенко (13 августа 2009 г.), Тимофей Дранчук (6 августа 2009 г.), Андрей Ким (10 августа 2009 г.), Змицер Дашкевич (5 августа 2009 г.), Миша Пашкевич (4 августа 2009 г.), а также интервью с Вацлавом Арешка, начальником плано-аналитической группы Объединенных демократических сил Беларуси (Минск, 6 и 12 августа 2009 г.).

²⁷ Tarrow S. *Power in Movement*. Cambridge, 1998; idem. *The New Transnational Activism*. Cambridge, 2005.

²⁸ Bessinger M. *Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions* // *Perspective on Politics*. 2007. Vol. 5(2). P. 249-264.

вом в целом. Это не означает, что власть принуждения не применялась, чтобы заставить замолчать критиков. В тех странах, где цветным революциям удалось выбить из президентского кресла президента, молодые активисты повседневно сталкивались с преследованиями, заключениями под стражу, избиениями и иногда похищениями. Подобно этому там могли исчезать журналисты, а компании или масс медиа с антиправительственными настроениями могли стать объектом для политически мотивированной проверки налоговыми инспекторами. Тем не менее некоторые режимы – ищущие большей интеграции или благоприятных отношений с Западом – стали более уязвимыми перед иностранными и местными критиками. Это утверждение особенно верно в случае Грузии, где Эдуарду Шеварднадзе нужен был крепкий союзник, так как с другой стороны на него оказывала сильное давление Россия с помощью ограничений в поставках электроэнергии, поддержки Кремля сепаратистских регионов, русской бомбардировки Панкисского ущелья в Грузии и умышленной задержки эвакуации военных баз России из Грузии. Украина также желала теплых отношений с ЕС, а Сербии было известно, какой ущерб она может понести в случае неудачно сложившихся отношений с НАТО. Позволяя оппозиционным движениям существовать и процветать, эти режимы давали понять, что риски, связанные с их действиями, были ограничены, чего нельзя сказать о ситуациях в Узбекистане или России, где оппоненты могли столкнуться с жесткими для себя последствиями.

Второй ряд возможностей был связан с политической оппозицией. Условия в каждой стране отличались, но можно выделить две основные перемены. Во-первых, некоторые страны стали свидетелями быстрого роста и укрепления единства оппозиции, а во-вторых, успех некоторых оппозиционных сил просто заморозил других претендентов. Оппозиционные партии стали более заинтересованы в продвижении гражданского общества, поскольку они понимали свои политические возможности и стали активно обмениваться ресурсами и технологиями. Таким образом была обеспечена поддержка и политическая защита лидеров гражданского общества, и в частности его молодых лидеров. Движение «Кучмагейт» или протесты в защиту телевизионного канала Грузии Рустави-2 были политически актуальны, политиков заинтересовало действовать сообща с лидерами гражданского общества. В конечном итоге это привело к взаимодействию оппозиционных политиков с молодежными организациями.

Третий ряд политических возможностей был связан с более активным характером западной политики в отношении стран бывшего социалистического пространства. ЕС постепенно превратился в важный противовес влиянию России в Восточной Европе. В 1998, начиная со словацких выборов – в которых «пряником» было членство в ЕС, а «кнутом» потенциальная международная изоляция – силы ЕС способствовали мирному переходу к менее авторитарному и более демократичному режиму. С тех пор ЕС и США все чаще оказывали давление на государства, заставляя их ограничить репрессии политической оппозиции или гражданского общества. Поддержка западных ценностей была часто обязательным

условием для получения финансовой помощи или политической поддержки. Этот рычаг был наиболее эффективным в странах, где не было существенных природных ресурсов (таких как Грузия и Украина, но в гораздо меньшей степени, например, в Азербайджане или Казахстане). Это было также результатом интернационализации политической борьбы²⁹ и тем, что Кек и Сиккинк³⁰ называют эффектом бумеранга, в котором активисты гражданского общества оказывали давление на политиков, чтобы начать политический диалог с недемократической страной, таким образом обеспечивая защиту и место для гражданского общества той страны.

Может ли гражданское общество создать политические возможности для гражданского общества? Это может звучать как тавтология, но, по нашему мнению, оно может. Прежде всего, если считать, что гражданское общество не является монолитной структурой, а рядом формальных и неформальных организаций, которых достаточно, чтобы «мешать» государству, можно понять, что процесс подготовки и передачи ноу-хау может иметь место со стороны более опытных организаций. Международный аспект также очень важен. Мало того, что использовался опыт США в ненасильственной борьбе, но также была задействована и широкая сеть активистов. Словацкие и сербские активисты – те, кто первыми прошли интенсивный тренинг – в дальнейшем передвигались по постсоциалистическому пространству и обучали новых активистов из других стран, например, грузин, а грузины, в свою очередь, потом обучали украинцев. Они обменивались опытом, определяли стратегию для конкретного геополитического контекста, учились на ошибках друг друга и продолжали обучение других активистов.

И наконец, некоторые дополнительные политические возможности были предоставлены обычными людьми. Широкие слои населения были главной мишенью для предвыборных кампаний, но в то же время они были главной платформой, необходимой, чтобы «узаконить» гражданское неповиновение. Во время некоторых общественных кампаний участие населения резко увеличилось, достигнув на пике несколько миллионов людей (Украина является наиболее ярким примером в этом отношении). Это дало уникальную возможность не только повысить социальный капитал, но и увеличить человеческие ресурсы, которые были в распоряжении организаций гражданского общества.

Так мы подытожили вышеперечисленные политические возможности:

²⁹ Tarrow. *The New Transnational Activism*.

³⁰ Keck M., Sikkink K. *Activists beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Ithaca, 1998.

Таблица 2: Политические возможности дальнейшего распространения цветных революций

	<i>Политические возможности в странах, где революция не состоялась</i>	<i>Политические возможности в странах, где революция состоялась</i>
Элита	Репрессивное отношение (еще более жесткое после того, как одна из соседних стран пережила цветную революцию)	Ограниченная репрессия или неспособность принять меры, которые будут препятствовать политической активности
Оппозиция	Неспособность объединиться с гражданским обществом или осознать его потенциал	Поддержка акций гражданского общества и (ограниченная) защита некоторых политических деятелей
Иностран- ные силы	Ограниченная финансовая и техническая поддержка, неспособность вести переговоры в целях ослабления политического давления на местное гражданское общество	Открытая финансовая, техническая и дипломатическая поддержка с давлением на высшем уровне, чтобы позволить свободное проявление гражданского общества
Граждан- ское обще- ство	Ограниченная международная поддержка от подобных организаций, неспособность учитывать и правильно использовать вынесенные уроки из других контекстов	Возрастающее наличие ресурсов и поддержки от других организаций гражданского общества. Участие в международной сети активных организаций с технической поддержкой и поддержкой развития потенциала
Народ	Страх перед режимом или подавлением деятельности, связанный с мнением, что участие в политике (будь это поддержка режима или оппозиции) не является привлекательным	Изменение отношения к режиму и к акциям гражданского общества, политической активизации, потери страха и подавлению деятельности

Таким образом, предыдущий раздел описал условия, в которых могут возникнуть новые политические возможности, а в следующих разделах будет рассмотрено, как гражданское общество, в особенности молодежные движения, воспользовалось такими возможностями в различных странах и контекстах.

«Достаточно» Кмара и Грузинская революция роз

Революция роз, которая завершилась свержением с поста президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, была важным событием в современной постсоветской политике. После распада СССР в 1991 это была первая успешная попытка массового движения демократически настроенных протестующих по пресечению системных фальсификаций на выборах. Сфальсифицированные парламентские выборы 2 ноября 2003 года вызвали массовые акции протеста в столице Грузии, Тбилиси, и быстро набрали обороты национального масштаба. Эти события достигли своего апогея 22 ноября, когда Шеварднадзе объявил чрезвычайное положение, но, понимая, что его резервуар поддержки уже иссяк, подал в отставку на следующий же день, уступая место новому поколению грузинских политиков.

Студенты-активисты были одними из наиболее заметных антиправительственных демонстрантов. Созданная в апреле 2003 года Кмара («Достаточно») должна была быть «Отпором» Грузии, хотя и в меньших масштабах. Хотя Кмара появилась внезапно, придавая правдоподобность проправительственному мнению, что это была иностранная (и щедро) финансируемая организация, она все же была основана на студенческой инициативе. К концу 1990-х годов, система образования Грузии была повреждена коррупцией на всех ее уровнях. Удовлетворяя потребности богатых, но недостойных студентов, она создала благоприятную почву для инакомыслящих, несмотря на существующий для них высокий риск быть таковыми. В знак протеста против проправительственного союза студентов, который приобрел влияние благодаря официальной поддержке и сомнительным выборам, был основан в 2000 году³¹ неофициальный, но популярный студенческий орган, в котором участвовали тысячи студентов. По словам лидера Кмары Георгия Кандалаки в интервью с Доннакой О Бахойн (20 июля 2005 г.), многие студенты на тот момент уже получили свое политическое образование. Неспособность серьезно оспаривать коррупцию привела к формированию Студенческого движения Грузии, которое мобилизовалось для защиты телеканала Рустави-2. Попытки в ноябре 2001 года заставить замолчать Рустави-2, который многие считают основным каналом освещения антиправительственных настроений, привели к многотысячной народной обороне телеканала, тем самым показав потенциал массовой мобилизации при благоприятно сложившихся для этого условиях³². Другие движения с акцентом на молодежь, в том числе Ассоциация молодых юристов Грузии и Институт свободы, стали также более активными в то время.

³¹ Один из авторов (Доннака О Бахойн) работал как внештатный научный сотрудник в рамках проекта Гражданского Образования (СЕР) в Тбилиском Государственном Университете им. Иване Джавахишвили, который является третьим самым престижным учебным заведением страны. Доннака О Бахойн обеспечил основную часть респондентов среди студентов-диссидентов и присутствовал на ранних заседаниях альтернативного студенческого органа.

³² Доннака О Бахойн, интервью с грузинским журналистом и ведущим Рустави-2 Саломе Асатиани и директором Института Свободы Леваном Рамишвили, Тбилиси, 31 и 28 июля 2005 г.

Мобилизация тысячи молодых людей против Шеварднадзе напоминала раннюю волну протестов, которая сопровождала решение Москвы об изменении закона о грузинском языке в пользу России в 1978 году. Эти протесты, в свою очередь, повторили националистические демонстрации в 1956 году, когда предыдущее поколение студентов мобилизовало другие слои общества³³. Протесты 1956-го, в которых приняли участие десятки тысяч людей, закончились трагически – они были подавлены советскими войсками, что привело к гибели нескольких сотен человек. Шеварднадзе, будучи восходящей звездой Компартии Грузии в 1956 году, обдумал этот урок. Напоминая протестующим студентам 1978 года о трагической судьбе предыдущих демонстрантов, он говорил непосредственно с протестующими и успешно ходатайствовал в Москве по поводу отмены закона о языке. Однако, к 2003 году «серебряная лиса» («Тетри мелиа»), как называли Шеварднадзе, потерял большую часть своей харизмы, и попытки говорить непосредственно с протестующими дали мало, как один из лидеров Кмара вспоминает:

«Во время одного протеста, рано утром, около 8:00, или даже раньше, он [Шеварднадзе] поехал туда на демонстрацию – в одиночку – на одном автомобиле и с тремя охранниками. Он вышел из машины ... а затем он пытался поговорить с людьми, но все как будто избегали и игнорировали его, как будто он был болен. Он пытался поговорить с кем-то, но не мог поймать никого, пока он не поймал одного маленького мальчика, около десяти лет, и спросил его: "Вы не боитесь?". И мальчик сказал: "а ты не боишься?" (лидер Кмары Георгий Кандалаки в интервью с Доннакой О Бахойн, Тбилиси, 20 июля 2005 г.)».

Режим Шеварднадзе, коррумпированный и неэффективный, оказался не в состоянии разработать эффективную тактику противодействия молодежным активистам. Кмара издевалась над правительством с помощью юмористических трюков, приглашая людей прямо на главной улице Тбилиси фотографироваться с карикатурными изображениями политической элиты. На распространение граффити Кмары власти отреагировали с достаточной жесткостью, чтобы вызвать неодобрение, но не достаточной, чтобы притупить энтузиазм. По словам лидера Кмары Нины Гогиберидзе, организация воспользовалась межпартийным соперничеством, чтобы обеспечить сотни студентов кредитами от партийных молодежных филиалов, которые сделали Кмару гораздо более крупной организацией, чем говорили о ее размере ее официальные списки (Интервью с Доннакой О Бахойн, Тбилиси, 27 октября 2008 г.).

Кмара также пользовалась выгодой от сотрудничества и поддержки со стороны внешних сил³⁴. Хотя Сорос прямо не финансировал ее как организацию, Кмара косвенно получала существенную помощь от организаций, финансируемых

³³ Blauvelt T. Status Shift and Ethnic Mobilisation in the March 1956 Events in Georgia // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61(4), P. 651-668.

³⁴ Ó Beacháin D. Roses and Tulips: Dynamics of Regime Change in Georgia and Kyrgyzstan // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2009. Vol. 25(2-3). P. 199-226.

Соросом, и от программы по просвещению избирателей Института «Открытое общество»³⁵. Эти группы включали Институт свободы, Ассоциацию молодых юристов Грузии (АМЮГ) и Ассоциацию права и публичного образования (ALPE). В целом, Кмара потратила \$ 175 000, немного по меркам организации Отпор, но все равно впечатляюще, учитывая ее скромную численность и короткую историю ее создания. Была собрана молодежная делегация для поездки в Белград и Братиславу, чтобы узнать лично от активистов Отпора и ОК'98 об их опыте (Нина Гогиберидзе, в интервью с Донной О Бахойн, Тбилиси, 27 октября 2008 г.).

Основными задачами Кмары были увеличить осведомленность избирателей и повысить явку избирателей на выборах. Кампания Кмары была смоделирована на основе словацкого и сербского примера, где играли большую роль уличные протесты. Международные активисты, как Александр Маркич³⁶ (Кривокапич 2005), ясно дали понять, что их роль закончилась в день выборов. Если бы правительство отказалось признать результаты выборов, единственное, что иностранные консультанты могли бы сделать, это подсказать возможные решения, оставляя местным лидерам возможность сделать окончательный выбор, основываясь на собственной оценке своих сильных и слабых сторон. Первыми публичными акциями Кмары стали расписывания граффити по всему Тбилиси и в других стратегических местах Грузии. Позже активистами Кмары был организован ряд демонстраций наряду с обширными проектами по просвещению избирателей. В дополнение к поездкам Кмары, Национальный демократический институт (NDI) отвез Саакашвили, Зураба Жванию и Давида Гамкрелидзе в Белград, чтобы они могли услышать от сербов, как единство оппозиции стало ключевым элементом в свержении режима Милошевича. Лидеры отказывались однако сравнивать Шеварднадзе с Милошевичем, где последний был в бегах из-за обвинения в военных преступлениях³⁷.

Революция роз стала поворотным моментом в истории Грузии. Она привела к ряду реформ, имеющих жизненно важное значение для развития страны. В этом смысле настоящая революция в Грузии это скорее процесс, чем одно событие. Тем не менее, способность грузин мирно повлиять на перемены восстановила национальную веру в возможность урегулирования конфликтов конституционным путем. Все стороны помнили, как общественный протест привел к гражданской войне в начале 1990-х и картина изгнания Звяда Гамсахурдии более десяти

³⁵ Эта учетная запись о становлении Кмары основана на следующих опросах, проведенных Донной О Бахойн в Тбилиси: Каха Ломия (директор Фонда Сороса в 2003 году), январь 2008 г.; Давид Дарчиашвили (директор Фонда Сороса в 2004-2008 годах), январь 2008 г.; Георгий Кандалаки (лидер Кмары в 2003 году), 30 июля 2005 г.; Леван Рамишвили (директор Института Свободы), 28 июля 2005 г.; Мераб Басилая (ALPE), 10 марта 2006 г.

³⁶ Krivokapic M. Les faiseurs des revolutions, entretien avec Aleksandar Maric, conduit par Milos Krivokapic // *Politique Internationale*. 2005. № 106. <http://www.politiqueinternationale.com/revue/edito.php?id=20>. Последнее обращение 20 июня 2008 г.

³⁷ Линкольн Митчелл (содиректор Национального демократического института (Грузия) 2002-4), интервью с Донной О Бахойн, Нью-Йорк, 19 апреля 2008 г.

лет раньше служила мрачным напоминанием о том, что может случиться в случае вышедших из-под контроля событий. То, что многочисленные толпы и силы государственной безопасности остались мирными и дисциплинированными по отношению друг к другу, имело решающее значение в обеспечении ненасильственного результата. Даже несмотря на то, что свержение Шеварднадзе может показаться неортодоксальным способом изгнания непопулярного лидера, многие грузины утверждают, что поскольку Шеварднадзе отрицал возможность изменения результатов путем честных повторных выборов, у оппозиции не было другого выхода, кроме как выйти на улицы³⁸. Более того, они утверждают, что это был Шеварднадзе, который первым отклонился от конституции, коррумпируя избирательный процесс, и что протестующие сделали все, чтобы вернуть страну на конституционный путь.

ПОРА: Украина 2004

С тех пор как обезглавленное тело журналиста Георгия Гонгадзе было найдено в окрестностях Киева, а социалист Александр Мороз предоставил доказательства того, что сам президент был вовлечен в это убийство, Украина находилась в центре внимания международного сообщества. Это стало еще более заметным после того как президент Кучма был обвинен в продаже радара Кольчуга Ирану, несмотря на международное эмбарго. Учитывая интересы Украины в улучшении отношений с Западом, лоббирование ее диаспорой из Канады и давление со стороны Совета Европы, режим Кучмы понимал, что есть определенный лимит уровня репрессий, которые он мог бы использовать против народа, политиков и гражданского общества. Это означает, что даже если антикучмовские протесты были подавлены милицией, открытое недовольство было еще возможным, и дальнейшие протесты были организованы на регулярной основе и в большем масштабе, что дало возможность новым деятелям гражданского общества приобрести необходимый опыт и знания.

Пытаясь ограничить эффект Бульдозерной революции, в Украине в 2000 году члену сербской организации Отпор было отказано во въезде на территорию Украины. Однако украинцы все же смогли поехать в Сербию, чтобы пройти обучение в области гражданского неповиновения, а некоторые грузинские активисты посетили страну и встретились как с оппозицией, заинтересованной в предшествующей политической борьбе, так и с лидерами гражданского общества. Режим контроля над средствами массовой информации, казалось, был недостаточным для поддержания высокого рейтинга популярности президента, учитывая еще то, что независимые средства массовой информации и общественное мнение остава-

³⁸ Доннака О Бахойн, интервью с грузинским политологом Гией Нодия, Тбилиси, 28 июля 2005 г.

лись влиятельными в обществе, несмотря на всяческие их ограничения. Контроль над СМИ усилился перед президентскими выборами 2004 года. В ответ на это, оппозиционеры стали больше использовать нетрадиционные каналы политической коммуникации, такие как интернет и мобильные телефоны, давая возможность распространению антиправительственных идей и информации по нескольким украинским областям. Такие организации, как Институт открытого общества, которые были обвинены в поддержке политической нестабильности и изгнаны из Узбекистана и Белоруссии, все еще могли свободно работать в Украине, предлагая техническую и финансовую поддержку ряду гражданских инициатив, которые в будущем смогли бы занять активную позицию в политической жизни страны.

Конкуренция внутри политической элиты также предоставила пространство для оппозиции, которая могла основываясь на словацком, сербском и грузинском опытах определить со своей стратегией на президентских выборах 2004 года. Это было одной из основных возможностей для молодежных движений. Во-первых, потому, что сама оппозиция была заинтересована в координации своих сил вместе с силами гражданского общества, зная также из прошлого опыта, что молодежь способна мобилизоваться гораздо сильнее, чем любые другие сегменты общества. Во-вторых, несмотря на то, что количество репрессий возросло, стало возможным вести переговоры с некоторыми представителями власти с целью ограничения притеснений. Например, мэр Киева разрешил протестующим занять центр города; также некоторые главные представители оппозиции приняли участие в большинстве гражданских акций и это снизило шансы жестоких репрессий.

Когда мировое внимание должно было вот-вот сосредоточиться на миллионе с лишним (в основном молодых) протестующих против сомнительных результатов президентских выборов 2004 года, путем установления палаточного городка на главной площади Киева, Майдане, на самом деле этому предшествовал уже сложившийся устойчивый рост антиправительственных протестов молодежи в Украине. Украинский комитет «За Правду» был одним из самых активных инициаторов этих протестов и кампаний, как «Украина Без Кучмы» и «Знаю», которые тоже были важны для укрепления гражданского общества. Эти движения организовывали массовые акции протеста с 2000 года при каждом удобном случае (в том числе, после увольнения премьер-министра Виктора Ющенко в 2001 году и во время первой и второй годовщины убийства Гонгадзе). Новое поколение украинцев становилось все более заинтересованным политикой, но, тем не менее, места для непокорных режиму оставалось все также мало. Именно во время этой застойной ситуации, как высказались социалисты Юрий Луценко и Тарас Стецькив из партии «Реформы и порядок»,

«... мы начали думать, что изменения должны исходить от самих людей, и нам пришлось мобилизовать граждан, а не усилить переговоры на политическом уровне. По просьбе некоторых наших коллег, некоторые грузины приехали в Ки-

ев, чтобы обучить нас организации лагеря и методам ненасильственной мобилизации»³⁹.

Повышенная координация движений гражданского общества с политической оппозицией позволила получить лучшее финансирование для ряда мероприятий, распространения информации и передачи знаний, даже для тех организаций, которые приняли решение не поддерживать никакую политическую партию. Две параллельные организации ПОРА появились в 2004 году; Черная ПОРА занималась основными действиями низового уровня, а желтая ПОРА была более скоординированной с основными политиками⁴⁰. Согласно Стецькиву, формальное разделение того, что стало желтой ПОРА и Нашей Украиной Ющенко, которая не желала участвовать в гражданской мобилизации, произошло вскоре после ее создания в 2004⁴¹. К лидерам организации ПОРА обратился молодой и энергичный активист Влад Каськив⁴² с идеей представить организацию как молодежное движение, гарантирующее справедливые и свободные выборы. Согласно этой версии ПОРА была задумана на политическом уровне, а затем перешла в сферу неправительственных организаций.

Чем более активным становилось гражданское общество, тем больше люди были проинформированы, тем больше они показывали свою поддержку тем молодежным движениям, которые стояли на передовой, защищая свободные и честные выборы. Кампания организации ПОРА состояла как из «позитивных», так и из «негативных» частей, изначально нацеленных на то, чтобы обеспечить максимально возможную явку избирателей и на дискредитацию режима. Кампания также отличалась смелыми и броскими лозунгами «Обережно зараза» (будьте осторожны, зараза!) и «вони брешуть» (они лгут). Как только правительство подтвердило спорные результаты выборов, оппозиционеры вместе с представителями гражданского общества и простыми людьми вышли на улицы. Организации ПОРА была поручена координация большинства действий: она организовала первый палаточный лагерь в Киеве 6 ноября, пыталась остановить автобусы, которые возили подкупленных избирателей, готовых проголосовать на нескольких станциях, а также взяла на себя координацию всех НПО, занимающих Майдан Киева до самой демобилизации, которая последовала после признания фальси-

³⁹ Юрий Луценко и Тарас Стецькив в интервью в газете *Зеркало недели*. См. Дмитричева О., Силина Т., Рахманин С. Анатомия души Майдана // *Зеркало недели*. № 50(525). 11 декабря 2004 г. С. 14-15.

⁴⁰ Дмитрий Гройсман, Украинский Хельсинский союз по правам человека, Amnesty International Group, координатор, интервью с Доннакой О Бахойн, Ялта (Украина), 8 июля 2009 г., «Проранжевые» предприниматели из Львова Ярослав Русчишин и Андрей Бейзик, интервью с Доннакой О Бахойн, Львов (Украина), 13 июля 2009 г.

⁴¹ Несмотря на то, что Ющенко был против создания организации ПОРА, некоторые политики из Нашей Украины оставались активными и сделали немалый вклад в развитие кампании. В ноябре 2004 года Роман Безсмертный, один из ближайших советников Ющенко, взял на себя инициативу по координации уличных протестов.

⁴² Лидер основной коалиции НПО Украины «Свобода выбора» в 1999-2004 гг. Лидер организации ПОРА в 2004 году, после советник бывшего Президента Украины Виктора Ющенко.

фикации выборов. Лидеры гражданского общества от ПОРА, совместно с некоторыми членами оппозиции, координировали почти все организации, а также оккупированное пространство в центре Киева и различные силы, которые ежедневно прибывали в столицу.

Координация гражданских сил, народа и оппозиционных групп заставила многих считать Оранжевую революцию «безукоризненным» цветным событием, на котором в атмосфере «мира и любви» люди были в состоянии мирно выразить свои политические убеждения. Тем не менее, несмотря на то, что уличные протесты были кульминацией Оранжевой революции, становление украинского гражданского общества продолжилось. После инаугурации Ющенко молодежные движения не прекратили свою работу, а, наоборот, каждая организация стала более организованной и систематизированной, специализирующейся в близкой для себя области. Черная ПОРА изменила свое название после инаугурации Ющенко, сохраняя свои идеологические разногласия, существовавшие и ранее с желтой организацией ПОРА. Название ОПОРА было выбрано сознательно, чтобы показать свое отношение к организации ПОРА и в тоже время идеологический разрыв с желтой ПОРА. Ее активисты продолжали работать на базовом уровне, как наблюдатели за выборами, как организаторы акций протеста и действий, направленных на борьбу с коррупцией, пытаясь при этом остаться беспартийным. Организация желтая ПОРА тоже решила расширить свой вид деятельности. Она по-прежнему оставалась граждански активной в двух ее филиалах: Гражданская кампания ПОРА и Новая ПОРА, пытаясь привлечь молодых людей в свое крыло Молодая ПОРА. Была создана зеленая ПОРА (экологическая), и также, в качестве мозгового центра, Международный институт демократии. На международном уровне активисты ПОРА присоединились к транснациональной сети консультантов, работающих в менее демократических странах, как советники оппозиции и гражданского общества⁴³. Постепенно, когда число гражданских инициатив на местном уровне увеличилось, другие силы присоединились к бывшему депутату социалисту, Юрию Луценко, и к его движению «Самооборона». Использование гражданского общества и уличных протестов для достижения политических целей неоднократно применялось в последние годы, например, палатки были размещены в центре Киева в знак протеста при каждом выборах. Это все свидетельствовало о важном значении гражданских акций в общественном мнении в постсоветских странах.

⁴³ Колеснікова І. Інтерв'ю з Михайлом Свістончем // www.pora.org.ua. 2005. (веб-сторінка більше недоступна, останнє звернення 20 червня 2008 р.)

Заключение

Долгосрочные последствия цветных революций все еще могут быть недостаточно ясными. Тем не менее, мы не только видим далеко идущие изменения, происходящие с распространением цветных революций, но и предполагаем, что эти изменения произошли там, где протестующие вызвали смену режима, а также и на всей территории бывшего социалистического региона⁴⁴. Это стало возможным потому, что цветные революции опирались на совокупность факторов, включая внешнюю политику других стран, и рост гражданской активности, которые показали способность связать множество негосударственных субъектов и способность распространения по всему постсоциалистическом пространству. В частности, и это был наш главный аргумент в этой статье: цветные революции предоставили новые политические возможности тем, кто желал ими воспользоваться и принять сопутствующие им риски. Соответственно, в этой статье мы попытались пролить свет на сильное взаимодействие между тем, что можно назвать «высокой политикой», и гражданским обществом, связи которых укрепились и способствовали значительным изменениям в последние годы.

Одним из основных изменений был интерес политической оппозиции к неправительственным организациям, особенно к молодежным, так как молодежь представляла собой один из главных элементов перемен. После словацкой гражданской кампании ОК'98 молодежные движения получали все большее внимание, не в последнюю очередь потому, что они соответствовали стратегии ОК'98 продвижения демократии с низов, согласно которой местные организации были политическим инструментом, поддерживаемым международными субъектами. Хотя это не сразу было воспринято рядом режимов, стало проще, по крайней мере на первом этапе, развивать внутренние и международные связи, которые затем помогли организациям гражданского общества в нужный момент, позволяя им развивать свой социальный и человеческий капитал. С тех пор гражданское общество было признано основным фактором изменений и иногда стало восприниматься как западный инструмент вмешательства во внутреннюю политику. Стратегия продвижения демократии все более была основана на активности гражданского общества в бывших социалистических странах, которое было способно действовать автономно, демонстрируя предпринимательский дух, реагируя на внешние стимулы для того, чтобы выжить и развиваться.

В данной работе мы использовали примеры из грузинской и украинской истории, чтобы предположить, что укрепление гражданского общества, в частности молодежных движений, не обязательно коррелирует с увеличением социального капитала, но может быть связано с его формализацией. Неформальные сети и

⁴⁴ В другой статье мы считаем, что отсутствие смены режима не обязательно означает, что протесты не имели никакого эффекта (см. Ó Beacháin D., Polese A. What Happened to the Colour Revolutions? Authoritarian Responses from former Soviet Spaces // *Journal of International and Area Studies*. 2010. Vol. 17(2). P. 31-51).

группы, а также незарегистрированные группы, созданные в течение последних лет, нашли уместным выйти из тени и узаконить себя в контексте проведения цветных революций. Побочным эффектом являлись попытки правительства подавить такие движения и ограничить передвижение «опасных» активистов по всему СНГ. Большое значение имеет повышенная активность гражданского общества, возникшая в ряде бывших республик СССР. Например, недавние события в таких странах, как Белоруссия и Армения, говорят о том, что даже при несостоявшейся цветной революции все больше и больше людей стало объединяться во имя совместных целей и идей. Это, однако, стало все более заметным в таких странах, как Грузия и Украина, где такие движения имели возможность в дальнейшем развиваться в нескольких различных направлениях, от политических партий до базовых движений за гражданские права⁴⁵, получив национальное и международное внимание и признание. Это, в свою очередь, может рассматриваться как новая функция постсоциалистических обществ, где значительные слои молодых людей стали искать более формальное участие в процессах принятия решений своих стран. Это может также рассматриваться как результат изменения политических возможностей в регионе. Первые толчки были даны избирательными кампаниями, которые побудили людей представить себя публично и официально организовать, что сыграло немаловажную роль во внутренней политике. Однако там, где цветные революции были невозможны, молодые люди стали искать другие возможности гражданской самореализации и нашли их в альтернативных организационных мероприятиях. Потенциал молодежных движений становился и становится все более очевидным для все большего числа участников.

⁴⁵ Isaacs R. Nur Otan, Informal Networks and the Countering of Elite Instability in Kazakhstan: Bringing the 'Formal' Back In // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65(6). P. 1055; Polese. Ukraine 2004: Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions. P. 255-277.